

Доктрина общности интересов в праве трансграничных водных ресурсов

Мейроян Э. С.

Российско-Армянский Университет (Армения, Ереван)
edgar.meyroyan@yahoo.com

Ключевые слова: общность интересов, практика государств, доктрина, река

Համայնքի շահերի դոկտրինը անդրասահմանային ջրային ռեսուրսների իրավունքում
Մեյրոյան Է. Ս.

Հայ-Ռուսական Համալսարան (Հայաստան, Երևան)
edgar.meyroyan@yahoo.com

Ամփոփում: Այն գաղափարը, որ ջրային ռեսուրսը, որպես միասնական և ինտեգրալային համակարգ, պետք է հանրամատչելի լինի, կարող է հնչել որպես նորարարություն: Սա հիմնավորապես այն է, ինչ արտացոլում է համայնքի շահերի դոկտրինը: Այնուամենայնիվ, նույնիսկ հնագույն ժամանակներից այս տեսությունը ընդունվել էր փիլիսոփաների կողմից, պետությունների պրակտիկայում, ինչպես նաև գիտական աշխատություններում: Ժամանակի ընթացքում նշյալ դոկտրինը ենթարկվել է որոշ փոփոխությունների, և այսօր հանդես է գալիս որպես մի հզոր գործիք, որը կարող է բարձրացնել պետական պրակտիկան միջազգային ջրահոսքերի օգտագործման համատեքստում նոր մակարդակի: **Վճռորոշ բառեր**՝ համայնքի շահեր, պետական պրակտիկա, դոկտրին, գետ

The Doctrine of Community of Interests in the Law of Transboundary Water Resources

Meyroyan E. S.

Russian-Armenian University (Armenia, Yerevan)
edgar.meyroyan@yahoo.com

Abstract: The idea that the entire international watercourse, as a single and inseverable system, shall be regarded as something to be shared by the community might appear to be a novelty. It is basically what the doctrine of community of interests is about. However, even from early times this theory has been embraced by philosophers, the practice of States and the teachings of publicists. In time, it has been reshaped and retooled and nowadays appears as a strong tool that might raise the practice of States with respect to international watercourses to a new level.

Key words: community of interests, practice of States, doctrine, river

В рамках доктрины общности интересов водосборный бассейн рассматривается как единое целое и управляется как экономическая единица, где воды либо принадлежат сообществу государств, либо разделяются между государствами-участниками бассейна в рамках определенного договора по данному вопросу, который в свою очередь сопровождается созданием некоторого международного механизма с целью управления и развития бассейна. Как видно, сказанное вытекает из той идеи, что общность интересов в отношении воды создается в силу естественного физического единства водотока. Еще Гуго Гроций в своем *De juri belli ac pacis* утверждал о следующем:

«Таким образом, река ... является собственностью людей, через территорию которых она течет ... Та же самая река, рассматриваемая как проточная вода, остается общей

собственностью, так что любой может пить или брать воду из нее».¹

Несмотря на то, что утверждения отца-основателя науки международного права полностью не отражают идеологию рассматриваемой доктрины, в них, тем не менее, четко подчеркивается представление о том, что воду следует рассматривать в качестве общей собственности.

Идея о том, что по отношению международных водотоков существует общность интересов, получила свою поддержку со стороны международных трибуналов.

Так, например, в деле *River Oder* Постоянная Палата несмотря на то, что рассматривала, *inter alia*, вопрос относительно права судоходства, ссылаясь на «принципы, регулирующие между-

¹ McCaffrey, *The Law of International Watercourses*, 2nd edition, 2007, (Oxford), p. 148.

народное речное право в целом», пришла к выводу, что:

«Когда рассматривается вопрос о том, каким образом государства рассматривают конкретные ситуации, возникающие в результате того, что *единый водный путь* пересекает или разделяет территорию более чем одного государства, также как и о возможности выполнения *требований правосудия* и соображений полезности, ... становится ясно, что решение этой проблемы не заключается в идее права прохода в пользу государств, расположенных вверх по течению, а в общности интересов прибрежных государств. Эта общность интересов в отношении судоходной реки представляет основу общего права, основными чертами которого являются совершенное равенство всех прибрежных государств в пользовании всем руслом реки и исключение любых преференциальных привилегий любого прибрежного государства по отношению к другим» [подчеркнуто автором].²

Ссылка Суда на «единый водный путь» подразумевает, что имелось в виду естественное явление единства водотока, который может проходить через разные государства. Кроме того, хотя не совсем ясно намерение Суда при использовании выражения «требований правосудия», не исключено, что сказанное относится к соображениям справедливости. Однако, отмеченное выражение равным образом может означать естественное право государств пользоваться дарами природы.

Заключения Постоянной Палаты были далее подтверждены недавним решением Международного Суда по делу *Gabčíkovo-Nagymaros*. В рамках данного дела после того, как Суд процитировал соответствующую часть из дела *River Oder*, касающегося «общности интересов по отношению судоходной реки», Суд заявил:

«Современное развитие международного права укрепило этот принцип и для несудоходных видов использования международных водотоков, о чем свидетельствует принятие Конвенции о Праве Несудоходных Видов Использования Международных Водотоков от 21 Мая 1997 года Генеральной Ассамблеей ООН».³

Исходя из вышесказанного принципа, Суд пришел к выводу, что «Чехословакия, взяв в одностороннем порядке контроль над общим

ресурсом и тем самым лишив Венгрию ее права на справедливую и разумную долю природных ресурсов Дуная ... не смогла соблюдать пропорциональность, требуемая международным правом».⁴

Из логики Суда можно заключить, что концепция общности интересов может функционировать не только в качестве теоретической основы для права международных водотоков, но также и как принцип, определяющий конкретные обязательства прибрежных государств, такие как принцип справедливого использования. Кроме того, в тех случаях, когда подход, основанный на общности интересов, принимается и реализуется с помощью общих институтов управления, «*интересы* государства в отношении системы международного водотока, как правило, определяются его нынешним и перспективным использованием водотока, а также его заботой о здоровье экосистемы водотока».⁵

С точки зрения практики государств, корни концепции общности интересов можно проследить в хорошо известном докладе Томаса Джефферсона президенту Джорджу Вашингтону 18 Марта 1792 года. В этом докладе Джефферсон отстаивал право Соединенных Штатов на свободу судоходства на нижнем течении реки Миссисипи, которая в то время находилась под суверенитетом Испании. Джефферсон, в частности, заявил, что «Океан свободен для всех людей, а их реки – для всех их жителей».⁶ Этот аргумент впоследствии был принят королем Испании. Вдохновленный этим докладом, в том же году был принят французский указ относительно открытия реки Шельда для судоходства. Позиция, выраженная в этом указе, была быстро инкорпорирована в последующих инструментах, касающихся прежде всего прав судоходства на международных реках.

Аналогичным образом, в Статье 7 Договора от 14 Мая 1811 года, разграничивающий границы между Пруссией и Вестфалией, предусматривается, что «хотя тальвег Эльбы образует в отношении суверенитета границу между Вестфалией и Пруссией ... река всегда должна рассматриваться в связи с судоходством и торговлей как общей рекой между двумя королевствами».⁷ Стоит отметить, что хотя некоторые из этих соглашений касались пограничных водотоков, которые, возможно, легче воспринимаются как «общие» реки, другие тем не менее предусматривали положения для пересекающих водотоков.

² *Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder*, Judgment no. 16 (10 September 1929), PCIJ Series A, No. 23, p. 27-8.

³ *Gabčíkovo-Nagymaros case [Hungary/Slovakia]*, 1997 ICJ Rep. 7, para. 85.

⁴ Там же.

⁵ Выше с. 1, p. 163.

⁶ JEFFERSON'S WORKS, vol. VII, pp. 577, 80.

⁷ Выше с. 1, p. 152.

В качестве примера по поводу сказанного можно привести Договор Карлстада от 26 Октября 1905 года между Швецией и Норвегией. Статья 4 данного договора гласит, что «Озера и водотоки, которые образуют границу между двумя государствами, или которые расположены на территории обоих государств, или которые впадают в указанные озера и водотоки, считаются общими».⁸ Из данного положения становится ясным, что оно включает в категорию «общих» водотоков как пересекающие реки, так и те, что впадают в пограничные реки и озера, тем самым предусматривая довольно широкий охват концепции общих водотоков.

Примечательно отметить, что несмотря на то, что существует ряд договоров и правительственных заявлений восемнадцатого и девятнадцатого веков, использующих концепцию «общие реки» или называющих реки «общей собственностью», в международно-правовых инструментах двадцатого века не часто встречаются такие прямые ссылки. Сказанное отчасти может быть связано с постепенной заменой теории естественного права Гроция и других позитивистскими взглядами.

Тем не менее, надо отметить наличие некоторых современных инструментов, которые сохранили подобные формулировки.

Так, например, идея о том, что международные водотоки являются «общими» ресурсами, находит свое отражение в Протоколе о Совместном Использовании Водных Систем, Расположенных в Регионе Деятельности Сообщества Развития Южной Африки от 28 Августа 1995 года. Статья 1 Протокола использует выражение «общая водная система» и определяет ее как «водную систему, проходящую через или формирующую границу между двумя или более государствами бассейна».⁹ Представление о том, что водоток является *общим* для двух или более государств, очень близко подходит к концепции, согласно которой эти государства имеют «общность интересов» в отношении водотока. Статья 2 Протокола далее укрепляет отмеченную позицию, предусматривая, что «Государства-члены уважают и руководствуются существующими нормами общего или традиционного международного права, относящимися к использованию и управлению ресурсами *общих водных систем*

и, в частности, уважая и соблюдая *принципы общности интересов* при *справедливом использовании* данных систем и соответствующих ресурсов» [подчеркнуто автором].¹⁰

Несколько похожее положение содержится в Соглашении от 14 Сентября 1992 года между Намибией и Южной Африкой о создании Постоянной Комиссии по Водным Ресурсам. Статья 1 данного соглашения предусматривает, что целью Постоянной Комиссии является, среди прочего, «выступать в качестве технического советника сторон по вопросам, касающимся развития и использования водных ресурсов, представляющих общий интерес для сторон».¹¹

Другой договор, отражающий подход, основанный на общности интересов, является Соглашение между Боливией и Перу о Предварительном Экономическом Исследовании Совместного Использования Вод Озера Титикака от 19 Февраля 1957 года. В Статье 1 этого соглашения говорится о «том факте, что два государства имеют право на совместную, неделимую и исключительную собственность на воды озера Титикака».¹² Кроме того, эти государства далее учредили двусторонний механизм для осуществления двустороннего мастер-плана системы Титикака. Подобное совместное планирование и реализация являются отличительными признаками доктрины общности интересов в отношении совместного использования и развития международных водотоков.

Профессор МакКаффри отмечает, что для современных договоров более обычным является «*обращение с международными водотоками как представляющие общий интерес, а не ссылка на них в качестве общей реки или собственности*»,¹³ и приводит, в частности, примеры соглашений, которые предполагают использование территории одного прибрежного государства другим, например, для хранения воды, в обмен на которую предоставляется некоторая форма компенсации,¹⁴ а также примеры соглашений которые касаются производства и распределения гидроэнергии¹⁵ таким образом, который повлек бы за собой справедливое распределение выгод от общих вод.

¹⁰ Там же, Статья 2(2).

¹¹ 32 ILM 1147 (1993).

¹² LEGISLATIVE TEXTS, Treaty No. 45, p. 168.

¹³ Выше с. 1, p. 158.

¹⁴ См. the Columbia River Basin Treaty, который позволяет США использовать территорию Канады для хранения воды и предусматривает, что США компенсируют Канаду в долларах и в гидроэнергетике.

¹⁵ См. the Convention between France and Switzerland for the Development of the Water Power of the Rhone, Bern, 4 Oct. 1913, art. 5, LEGISLATIVE TEXTS, Treaty No. 197, p. 708.

⁸ STRUPP, 2 DOCUMENTS POUR SERVIR À L'HISTOIRE DU DROIT DES GENS, p. 270 (1923).

⁹ Protocol on Shared Watercourse Systems in the Southern African Development Community (SADC) Region, 28 Aug. 1995, entered into force 29 Sept. 1998, art. 1(1), in TREATIES CONCERNING THE NON-NAVIGATIONAL USES OF INTERNATIONAL WATERCOURSES, AFRICA, FAO Legislative Study 61, p. 146, at pp. 147–8 (1997).

По вышесказанному поводу, надо отметить, что государства нередко наделяют совместные комиссии полномочиями составлять, а в некоторых случаях и осуществлять планы развития, использования и охраны международных водных ресурсов. Данная тенденция к созданию структур совместного управления для пресноводных ресурсов, совместно используемых на международном уровне, демонстрирует, что государства признают, что у них есть общность интересов в отношении этих ресурсов.

Рассмотрев судебную и государственную практику в рамках доктрины общности интересов, немаловажным представляется и анализ договорной практики по этому поводу.

Прежде всего, интересно подчеркнуть, что Конвенция по Охране и Использованию Трансграничных Водотоков и Международных Озер 1992 года *требует* от участников заключать «двусторонние или многосторонние соглашения или другие договоренности», которые «должны предусматривать учреждение совместных органов» [подчеркнуто автором].¹⁶

Аналогичным образом Конвенция о Праве Несудоходных Видов Использования Международных Водотоков 1997 года активно поощряет государства водотока заключать общие договоренности об управлении. Важным представляется то, что принцип «справедливого участия», который закреплен в Статье 5(2), и который тесно связан с имплементацией принципа справедливого использования, предполагает ту значимость, которые могут иметь совместные механизмы. В комментарии Комиссии Международного Права к Проекту Статей 1994 года, который предшествовал Конвенции, поясняется, что Статья 5(2) предусматривает «не только право на использование международного водотока, но и обязанность активно сотрудничать с другими государствами водотока относительно защиты и развития водотока». ¹⁷ И как верно по этому поводу отмечают профессора Танци и Аркари, данное положение «требует не только координации, но и *более значительных форм сотрудничества*» [подчеркнуто автором].¹⁸ Они далее утверждают, что неспособность государства принимать активное участие в процессуальных требованиях, присущих справедливому участию, «затрудняет утверждение данного государства о том, что его запланированное или фактическое использование ... справедливо в соответствии со Статьей 5

Конвенции». ¹⁹ Кроме того, в контексте общего обязательства сотрудничать «в целях достижения оптимального использования и надлежащей защиты международного водотока», Статья 8(2) прямо предлагает использовать совместные механизмы или комиссии. Статья, в частности, закрепляет следующее:

«При определении способов такого сотрудничества государства водотока могут рассмотреть вопрос о том, чтобы создавать – в зависимости от того, что они считают необходимым, – совместные механизмы или комиссии для облегчения сотрудничества в отношении соответствующих мер и процедур, принимая при этом во внимание опыт сотрудничества, накопленный в рамках имеющихся в различных регионах совместных механизмов и комиссий». ²⁰

Интересно отметить, что прямая ссылка на «создание совместных механизмов или комиссий» в соответствии со Статьей 8(2) не была включена в Проекте Статей 1994 года, но была добавлена позднее, что, возможно, свидетельствует о более возрастающем признании доктрины общности интересов

Необходимо констатировать, что договоренности и создание механизмов подобного рода будут считаться эффективными также и для содействия регулярному обмену данными и информацией, требуемыми согласно Статье 9. Статья 9(1) гласит:

«В соответствии со статьей 8 государства водотока на регулярной основе обмениваются легкодоступными данными и информацией о состоянии водотока, в частности данными и информацией гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера, и данными и информацией, касающимися качества воды, а также соответствующими прогнозами». ²¹

При таком раскладе стоит уделить внимание на то, что с помощью общих институтов управления регулярный обмен видов информации, перечисленных выше в Статье 9(1), может сыграть ключевую роль в установлении справедливого режима для использования международного водотока в соответствии с принципом справедливого использования, закрепленного в Статьях 5 и 6 Конвенции.

Таким образом, очевидно, что создание подобных управленческих структур значительно поспособствует и облегчит для прибрежных го-

¹⁶ (1992) 31 *ILM* 1312, Статья 9(1) и (2).

¹⁷ *Report of the International Law Commission on the Work of its Forty-Sixth Session* (1994), A/49/10/1994, at 220.

¹⁸ A. Tanzi and M. Arcari, *The United Nations Convention on the Law of International Watercourses* (Kluwer Law International, the Hague/Boston, 2001), at 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Конвенция о Праве Несудоходных Видов Использования Международных Водотоков от 21 мая 1997 года, Статья 8(2).

²¹ Там же, Статья 9(1).

сударств соблюдение одновременно как материальных, так и процессуальных норм.

В дополнение к вышесказанному, в Статье 24 Конвенции 1997 года, которая касается «управления» международными водотоками, предусматривается, что «Государства водотока по просьбе любого из них вступают в консультации относительно управления международным водотоком, которое может включать в себя учреждение совместного механизма управления».²² Профессора Фицморис и Элиас поясняют, что Статья 24 содержит «только процессуальное правило по управлению международными водотоками», и что «Конвенция явно не требует совместного управления международными водотоками».²³ В комментарии к Проекту Статьи 24 утверждаются позиции Фицмориса и Элиаса, и, помимо прочего, также указывается, что «Управление международными водотоками также может осуществляться с использованием менее формальных средств, таких как проведение регулярных совещаний между соответствующими учреждениями или другими представителями заинтересованных государств».²⁴

Наконец, рассмотрим взгляды публицистов на данную тематику, где тоже можно найти определенную поддержку доктрины общности интересов.

Так, например, открытие реки Шельды для судоходных целей вдохновило немецкого юриста Шлеттвейна в 1785 году выдвинуть следующую позицию в отношении международных водотоков как общей собственности:

«Река ... предопределена самим Богом как общая собственность всех прибрежных государств... Ни одно из этих государств не может присвоить себе исключительное право на использование такой реки, и ни одно государство не может лишить других их право на использование или судоходство по ней. Даже если один из них принудительно заставит другого прекратить судоходство по реке, это не будет носить обязательного характера для другого государства» [подчеркнуто автором].²⁵

Особенно примечательно, что Шлеттвейн не ограничивает свои аргументы в рамках судоходства, и вместо этого акцентирует право всех прибрежных государств на «использование или судоходство» по водотоку.

²² Там же, Статья 24(1).

²³ M. Fitzmaurice and O. Elias, *Watercourse Co-operation in Northern Europe – A Model for the Future* (TMC Asser Press, the Hague, 2004), at 14.

²⁴ Выше с. 17, at 301.

²⁵ McCaffrey, *The Law of International Watercourses*, 2nd edition, 2007, (Oxford), p. 157.

Кроме того, в отношении рассматриваемой доктрины профессор МакКаффри отмечает, что она «более четко выражает нормативные коннотации физического факта, что водоток, в конце концов, является единством» и что «он подразумевает коллективные или совместные действия» и «предполагает общее управление».²⁶

Далее, в учениях Генри Фарнхэма 1904 года, в частности, отмечается следующее:

«Река, которая течет по территории нескольких государств или наций, является их общей собственностью ... Ни одна нация не может совершать никаких действий, которые лишат другую пользу этих прав и преимуществ. Дары природы предназначены для блага человечества, и никакая совокупность людей не может отстаивать и осуществлять такое право и владение ими, которые лишат других людей равных прав и средств пользования ...»²⁷

Фарнхэм даже зашел так далеко, что утверждал, что «неотъемлемое право государства ... защищать себя и свою территорию» дает право государству ниже по течению не допускать, чтобы государство вверх по течению «изменило курс реки или потребляло так много воды... чтобы лишить первого [государства ниже по течению] его выгоды ...».²⁸ В последующие годы подобная позиция (хотя с неудачным результатом) с решительностью поддерживалась со стороны Мексики в рамках спора с Соединенными Штатами по поводу Рио-Гранде.

Весьма интересным представляется и учение Макса Хубера. Хубер отмечает, что взаимозависимость прибрежных государств лучше всего рассматривать с точки зрения *права соседства*, нежели *совместного владения*. Хубер ставил под сомнение проведение аналогии с принципом совместного владения частными водами, действовавшего в римском праве, поскольку, по его мнению, основные принципы международного публичного права, такие как принцип территориального суверенитета, нельзя откладывать в сторону путем простого толкования принципов частного права. Он отмечает, что, частноправовые принципы никоим образом не подразумевают *раздробленное владение* рекой, что, безусловно, является тем случаем, который действует в отношении прибрежных государств в рамках международного публичного права. По словам Хубера, причину неточности подобной аналогии можно приписать также и публицистам международного права, которые ссылаются на идеоло-

²⁶ Там же, p. 165.

²⁷ Там же, p. 157.

²⁸ Там же, p. 158.

гию общей собственности. По его мнению, подразумевается не кондоминиум в отношении территории и не обязанность совместного использования, а просто *равное право на использование*. Таким образом, для Хубера принцип совместной собственности действует только в отношении использования, а не в отношении самой вещи. Это позволило бы совладельцу свободно распоряжаться своей долей и свободно пользоваться вещью, до тех пор, пока право использования другого совладельца не было нарушено. Сказанное, однако, как вновь утверждает Хубер, никоим образом не влечет за собой обязанности прибрежных государств действовать совместно в отношении водотока.

Довольно креативный подход предлагает Люциус Кафлиш, который начинает свое обсуждение рассматриваемой доктрины, отмечая, что общие природные ресурсы, находящиеся за пределами национальной юрисдикции, являются «общим наследием человечества».²⁹ В качестве примеров таких ресурсов он приводит морское дно, Луну и другие небесные объекты. Это ресурсы, которые, согласно Кафлишу, являются или должны быть «интернационализированы» и развиваться в интересах и во благо всех государств, под наблюдением и даже при активной помощи определенного международного учреждения, имеющего универсальный характер. Однако он признает, что такие режимы (учреждения) в принципе являются результатом или продуктом договоров. Кафлиш здесь задается вопросом относительно того может ли данная идея быть перенесена в рамках международных водотоков, и если да, то в какой степени. Он признает, что прибрежные государства образуют «сообщество», несмотря на границы, которые их разделяют, и что простое разделение вод, даже если оно будет абсолютно справедливым, не обязательно будет являться оптимальным способом развития системы водотока. Поэтому на данной стадии Кафлиш уже приступает к разработке идеи «денационализации» международных водотоков и передачи их управления от отдельных государств совместной организации. Затем Кафлиш задается еще одним вопросом по поводу того могут ли международные водотоки или, по крайней мере, их использование формировать кондоминиум соответствующих государств. Он приходит к выводу, что, хотя ясно, что кондоминиум может быть создан на основании договора, нельзя утверждать, что в силу норм обычного права весь международный водоток, включая его ресурсы, образует кондоминиум. Кафлиш отме-

чает, что существование кондоминиума будет означать, что каждое из прибрежных государств будет иметь право вето на новые действия (проекты) других государств. Он считает, что, как и в случае доктрины абсолютной территориальной целостности, следует сделать вывод, что такого права и здесь не существует.

Таким образом, доктрина общности интересов, как видно, основана на физическом факте единства водотока и его важности как средства транспорта, связи и социально-экономического развития. Здесь стоит вспомнить подход Международного Суда по делу *Gabčíkovo-Nagymaros*, отмечая, что общность интересов применимо как к судоходным, так и к несудоходным видам использования международных водотоков. Этот подход может быть разумно расширен, чтобы отражать ту идею, согласно которой общность интересов распространяется на все наземные элементы гидрологического цикла, то есть, включая не только притоки, но и подземные воды, которые питаются поверхностными потоками или озерами.

Использованная литература

1. McCaffrey, *The Law of International Watercourses*, 2nd edition, 2007, (Oxford).
2. *Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder*, Judgment no. 16 (10 September 1929), PCIJ Series A, No. 23.
3. *Gabčíkovo-Nagymaros case [Hungary/Slovakia]*, 1997 ICJ Rep. 7.
4. JEFFERSON'S WORKS, vol. VII.
5. STRUPP, 2 DOCUMENTS POUR SERVIR À L'HISTOIRE DU DROIT DES GENS.
6. Protocol on Shared Watercourse Systems in the Southern African Development Community (SADC) Region, 28 Aug. 1995, entered into force 29 Sept. 1998, art. 1(1), in TREATIES CONCERNING THE NON-NAVIGATIONAL USES OF INTERNATIONAL WATERCOURSES, AFRICA, FAO Legislative Study 61.
7. *Report of the International Law Commission on the Work of its Forty-Sixth Session* (1994), A/49/10/1994.
8. A. Tanzi and M. Arcari, *The United Nations Convention on the Law of International Watercourses* (Kluwer Law International, the Hague/Boston, 2001).
9. Конвенция о Праве Несудоходных Видов Использования Международных Водотоков от 21 мая 1997 года.
10. M. Fitzmaurice and O. Elias, *Watercourse Cooperation in Northern Europe – A Model for the Future* (TMC Asser Press, the Hague, 2004).
11. L. Caflisch, 'Règles Générales du Droit des Cours d'Eau Internationaux', 219 Recueil des Cours (1989-VII) (1992).

²⁹ L. Caflisch, 'Règles Générales du Droit des Cours d'Eau Internationaux', 219 Recueil des Cours (1989-VII) (1992), at 59–61